

МОНГОЛИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

В.И. ТЕРЕНТЬЕВ

Аспирант
Горно-Алтайский государственный
университет (Горно-Алтайск)

Ключевые слова: Монголия, постсоциализм, ритуализация прошлого, Чингисхан, национализм

На всем протяжении социалистического периода своей истории Монголия была тесным образом включена в орбиту внешнеполитических интересов СССР. После революции 1921 г. в стране, основная масса населения которой занималась кочевым скотоводством, при активном участии Советского Союза началось планомерное развитие, которое трансформировало все сферы монгольского общества. Постепенно увеличивавшийся контингент советских специалистов в Монголии со второй половины 1960-х гг. и вплоть до конца 1980-х гг. составлял 3/4 от числа всех граждан СССР, работавших за рубежом.

После мирной демократической революции 1990 г. и принятия в 1992 г. новой Конституции произошло становление многопартийной системы [1], правительство страны стало осуществлять переход к рыночным механизмам.

Реформирование экономики совпало с прекращением советских инвестиций и распадом социаллагеря, что привело к системному социально-экономическому кризису. Только благодаря трем совместным российско-монгольским предприятиям (горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», объединение «Монголросцветмет» и АО «Улан-Баторская железная дорога») Монголия избежала полного экономического фиаско. В настоящее время по 51% акций первого и второго предприятий владеет Монголия, по 49% - Россия; доля российских и монгольских акций АО «УБЖД» - по 50% [2].

Постепенно социально-экономическая и политическая ситуация в стране нормализуется. Недра Монголии богаты залежами угля, меди, молибдена, золота, серебра, урана, редкоземельных металлов. После начавшейся

в 2000-х гг. их разработки транснациональными корпорациями (англо-австралийской *Rio Tinto*, китайскими *Shenhua* и *Chalco*, американской *Peabody Energy*, японскими *Itochu*, *Mitsui*, *Mitsubishi* и др.) в СМИ заговорили о «монгольском экономическом чуде». Сегодня для иностранных компаний наиболее привлекательными являются месторождения Оюу-Толгой (930 млн т руды с содержанием 0,5% меди и 0,36 г золота на 1 т), Таван-Толгой (ок. 7,4 млрд т угля) и Дорнод (ок. 22 тыс. т урана). Доход от добычи полезных ископаемых составляет 20% ВВП страны [2].

Однако пока преждевременно говорить о полномасштабном экономическом взлете страны. Развал социалистического хозяйства вылился в прекращение научно-практических исследований качества пастбищ*, что приводит к их деградации. После приватизации скота исчезли зарплаты, выдаваемые семьям за выпас кооперированных стад, прекращен систематический учет состояния колодцев, загонов для скота и жилищ пастухов на зимниках. В стране практически нет асфальтированного дорожного покрытия (не более 5% от общей площади дорог); бедность охватывает около 1/3 населения.

Улан-Батор - столица - перенаселен: здесь проживает 1,5 млн человек из почти 3-миллионного населения страны, причем половина жителей Улан-Батора живут, как и прежде, в юртах, без должных санитарно-бытовых условий. Встречаясь с семьями, которые на протяжении как минимум десяти последних лет живут

в квартирах, мои собеседники отмечали, что «ностальгируют» по юртам: некоторые выкупают участки земли на окраине города и устанавливают их там. С другой стороны, большинство опрошенной нами монгольской молодежи готово «забыть о корнях» и желает переехать в благоустроенную квартиру, но не у всех есть для этого финансовые средства. Всё это ещё долго будет тормозить развитие Монголии.

«ЧИНГИСХАНИЗАЦИЯ» В МОНГОЛИИ

Начавшаяся в 1990 г. демократизация Монголии в социокультурном и этнополитическом плане вылилась, прежде всего, в возрождение имперских образов существовавшего в первой половине XIII в. государства Чингисхана и его первых потомков.

Рассмотрение роли образа Чингисхана в современной Монголии неоднократно становилось предметом научного интереса. Из последних укажем работы российских ученых - философа О.И.Зиминой [3], политолога А.В.Михалева [4]; материалы форума «Имперское наследие как ресурс нацстроительства: случай Чингисхана», опубликованного в «*Ab Imperio*» (2005 г., № 4), издаваемом в Казани международном научном журнале, основная тематика которого - изучение национализма и новой имперской политики на постсоветском пространстве. Библиография по этой теме есть в работе отечественных историков Н.Н.Крадина и Т.Д.Скрынниковой [5].

Автор предлагает, в порядке гипотезы, иное прочтение данного феномена, названного нами «чингисханизация».

Прежде всего, отметим, что мы разграничиваем Чингисхана - историческую личность - и тот

* В сельском хозяйстве занято около 17% населения страны. Общее поголовье крупного, мелкого рогатого скота, лошадей и верблюдов на конец 2013 г. составило более 45 млн. См.: Новости Монголии. 09.01.2014.

его образ, который конструируется нынешним руководством страны с целью консолидации монголов. В статье разговор пойдет не о самой исторической личности, а о практиках государства и об образе хана, используемом в качестве объекта политических манипуляций.

Собственно под «чингисханизацией» подразумевается весь спектр эклектичных и, в какой-то мере, противоречивых технологий формирования общегражданской идентичности и национальной консолидации монголов, производимых путем внедрения во все сферы жизни общества внеисторического образа Чингисхана. Подобные идентификационные практики стартовали в начале 1990-х гг. и к настоящему времени достигли невообразимых масштабов, чаще всего напрямую заполняя собой освободившиеся после отхода от социалистической идеологии мировоззренческие лакуны в сознании рядовых граждан и социокультурном пространстве страны.

Раскрытие сущности трансформационных процессов монгольского общества позволяет выявить противоречия в интерпретации современных практик ритуализации имени хана и его одновременной профанации через использование священного образа Чингисхана в качестве торгового бренда. Таким образом, обозначив в качестве основных областей «чингисханизации» политическую и этнокультурную сферы, а также гражданский и этнический националистические дискурсы, мы проанализируем данные срезы в попытке определить места, которые отводятся Чингисхану в каждом из них.

В отличие от большинства предыдущих исследователей, нас интересуют два аспекта этого многогранного явления:

- противоречивость образа Чингисхана в сознании рядовых граждан Монголии и в историко-культурном пространстве страны;
- наложение неоимперских («демократических») и социалистических символов. Последний аспект станет сквозным сюжетом нашего повествования.

В основе нашей гипотезы -

Девять белых бунчуков-знамен. Улан-Батор, 10.12.2013.

идея о том, что политика «чингисханизации», проводящаяся сегодняшним монгольским руководством, призвана заменить старое социалистическое мировоззрение новой идеологией национализма, в основе которого лежит образ Чингисхана. При этом большая роль отводится ценностям демократии западного образца.

Чтобы «связать» эти два антагонизма, Чингисхан в современной монгольской интерпретации представляется неким «отцом мировой демократии». Например, один из современных сторонников данной точки зрения, публицист и политический деятель Баабар (Б.Батбаяр), рассматривая в своей книге «История Монголии...» империю Чингисхана и его Ясу*, вопрошает: «Существовало ли ещё такое правовое государство до внесения первых таких дополнений в Конституцию США?» [6, с. 37].

Изложение нашего материала построено на анализе собственных наблюдений и нескольких десятков интервью с сотрудниками администраций различного уровня, преподавателями вузов, работниками торговли и скотоводами, накопленных в процессе сезонных экспедиций в Монголию

* Яса - законодательное уложение, по преданию, изданное Чингисханом на великом всемонгольском курултае в 1206 г. Полный текст ни в подлиннике, ни в переводе до нашего времени не дошел (прим. авт.).

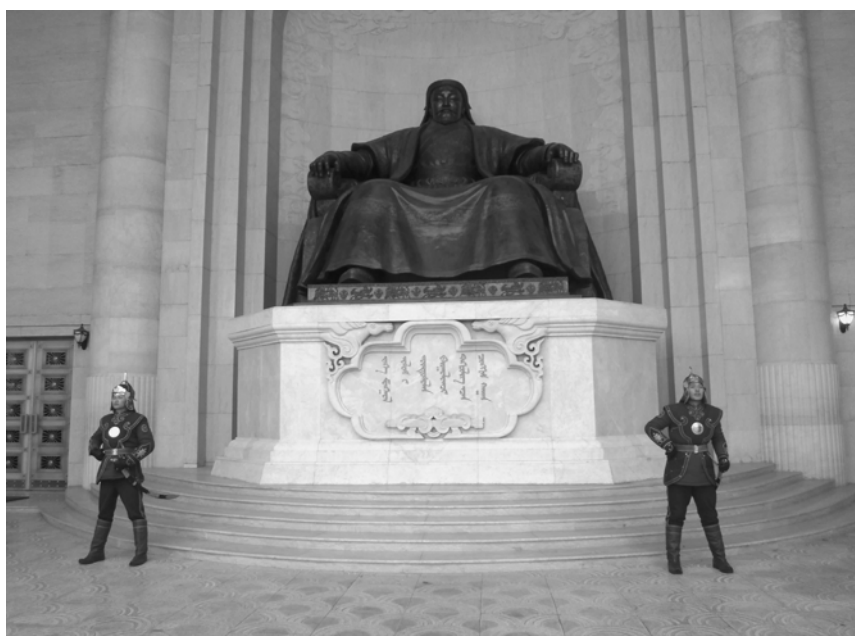
(2008-2011 гг. - аймаки** Баян-Ульгий, Ховд и Увс; 2012-2013 гг. - г. Улан-Батор). Важным дополнением являются опубликованные работы, анализирующие процессы современной самоидентификации монголов.

ОТ МОНГОЛ УЛС ДО ГЛАВНОЙ ПЛОЩАДИ СТРАНЫ

«Чингисханизация» социокультурного и политического пространства Монголии началась с государственной символики. Стране, ранее именовавшейся Буугд Найрамдах Монгол Ард Улс (Монгольская Народная Республика), правительство вернуло историческое название - Монгол Улс (Государство Монголия), были воссозданы девять белых бунчуков-знамен [7], используемых ныне в государственные праздники и на церемониях (см. фото выше).

Апофеозом реставрации стали празднование в 2006 г. 800-летия образования Монгольского государства и установление у Дворца Правительства Монголии памятника Чингисхану (см. фото

** Аймак - крупнейшая административно-территориальная единица Монголии (прим. авт.).

Памятник Чингисхану у Дворца правительства Монголии. Улан-Батор, 10.12.2013.

выше) на месте, где раньше располагался мавзолей Д.Сухэ-Батора и Х.Чойбалсана*. Однако констатированный политологом А.В.Михалевым «окончательный разрыв с эпохой социализма» [4, с. 162], по нашему мнению, пока не произошел, и чуть позже мы подтвердим это, возвращаясь к иным примерам замещения социалистического прошлого неоимперским («демократическим») настоящим.

Несмотря на попытки монгольского правительства, регламентация порядка использования имени Чингисхана [3, с. 162] не состоялась, и постепенно через внедрение его образа во многие стороны жизни монгольского общества (в т.ч. маркетинг, туризм, индустрию и пр.) он превратился, по выражению польского этнолога З.Шмыта, в «*axis mundi*** национального дискурса» современной Монголии [8, с. 115]. Такое позиционирование (но толь-

ко исторической личности хана) подтверждалось и во время наших бесед с городскими жителями, многие из которых охарактеризовали его как «точку отсчета» монгольской культуры и «образец для подражания».

Один из интернет-ресурсов транслирует расхожую в Монголии мысль, вкладывая её в уста безымянного монгольского депутата: «...уже ничто не может заставить предпринимателей отказаться от производства туалетной бумаги с изображением великого монгола» [9]. Имя Чингисхана на ценных бумагах - бондах [10], в октябре 2013 г. была выпущена золотая монета «Чингисхан» номиналом в 1000 тугриков*** [11], а высшей государственной наградой стал «Орден Чингисхана». Так иллюстрируется диапазон распространения образа хана.

Политический дискурс не останавливается на ренессансе только имперских символов, а идет дальше - вплоть до времени возникновения государства хунну (209 г. до н. э.), с которым связываются истоки Монгольского государства. Апеллирование к этому факту постоянно встречается не только в публицистике и псевдонаучных книгах, к которым, безусловно, относится уже указанная нами «История Мон-

голии...» Баабара (Б.Батбаяра) [6], но и в центральной прессе, и выступлениях руководителей государства. Так, Баабар отмечает: «Возможно, хунну происходят от монголов или от тюрков; возможно, у них есть монголо-тюркское начало, или же они представляют смешение монголов и тюрков...» [6, с. 17].

В 2013 г. проведение традиционного национального состязания монгольских мужчин, «Наадам», по трем видам спорта - скачкам, борьбе и стрельбе из лука, совпало «с 2222-летием образования Монгольского государства, 807-летием образования Великой Монгольской империи» и было посвящено «102-летию независимости и 92-летию Народной революции» [12]. Приурочивание празднования к последним двум историческим фактам было регламентировано ещё при социализме, а связь «Наадама» с первыми двумя событиями монгольской истории была осуществлена уже в наши дни.

В процитированных отрывках мы четко прослеживаем два сценария конструирования современной монгольской идентичности: социалистический и имперско-демократический. Теоретически (и как утверждает большинство исследователей) они должны исключать друг друга, поскольку одним из важных принципов формирования современной монгольской идеологии является постепенное изживание всего социалистического. Как мы убедимся далее, в подтверждение нашей гипотезы, социалистическое и имперское, наслаиваясь, соседствует в социокультурном пространстве Монголии, но постепенно, в соответствии с событийной логикой, первое нивелируется последним.

Говоря о повседневных речевых практиках архаизации, характерных для любой этнонации (к коей относится и монгольская), необходимо упомянуть излюбленный метод аргументирования сопричастности монгольскому миру через обращение к персоне великого хана или ко времени его жизни. К примеру, в среде отдельных монгольских экспертов высказывается мысль, что тюркоязычный народ - *хотоны* - проживает на нынешней

* Дамдин Сухэ-Батор (1893-1923) - один из руководителей Монгольской революции 1921 г. и создателей Монгольской народной партии (в 1924-2010 гг. - Монгольская народно-революционная партия), главком и военный министр в 1921-1923 гг.

Хорлогийн Чойбалсан (1895-1952) - политический лидер МНР с 1930-х гг. вплоть до своей смерти (прим. авт.).

** *Axis mundi* (лат.) - ось мира.

*** На начало 2014 г. 1000 тугр. = \$0,6. В Монголии есть купюры крупнее: 5, 10 и 20 тыс. тугриков (прим. авт.).

территории сомона* Тариалан Увс аймака «со времен Чингисхана». Хотя в этнографии считается, что предки современных *хотонов* были переселены Галданом Бошогту ханом в долину р. Хархираа из Восточного Туркестана в 1678 г. [13].

Апеллирование к XIII в. как один из ключевых аспектов «чингисханизации» находит отклик и в научной литературе: «Ойрат-монгольские и калмыцко-монгольские связи в области буддизма имеют многовековую историю. Начало этих связей, вероятно, восходит к эпохе Чингисхана», - отмечает философ М.С.Уланов [14, с. 137]. Между тем, данный факт невозможен по причине отсутствия калмыков как таковых в середине XII-XIII вв. Или, например, в своей работе президент Академии наук Монголии Б.Энхтувшин пишет: «Чингисхан является... одним из зачинателей современной глобализации... западные и восточные историки считают, что “Чингисхан - основатель современного мира”... Темп развития монголов того времени был сравним с нынешней скоростью Интернета» [15, с. 13]. Венцом подобного монголоцентристского подхода к анализу исторического процесса является упомянутый «шедевр» Баабара, в особенности глава - «Что дали монголы человечеству?» [6, с. 61-65], лаконичная критика которой представлена в рецензии историка Д.А.Мальцева [16, с. 216-217].

Вернемся на центральную площадь Монголии. Итак, возрожденная через государственную символику связь сегодняшнего правительства Монголии с «отцом нации» продолжает поддерживаться и культивироваться в различных, не всегда напрямую связанных с ним государственных церемониях. Например, перед вручением верительных грамот президенту Монголии послы иностранных государств, проходя мимо памятника Чингисхану, должны ему поклониться. Во время инаугурации 10 июля 2013 г. избранный второй раз подряд президент Монголии Ц.Элбэгдорж принимал присягу «под вы-

соким оком Великого Чингисхана, перед Девятью государственными штандартами...» [17].

Завершающим аккордом первого периода «чингисханизации» столичного пространства стало переименование в июле 2013 г. центральной улан-баторской площади имени героя монгольской революции Д.Сухэ-Батора в площадь имени Чингисхана [18]. Но поскольку данное нововведение было осуществлено без проведения референдума, оно вызвало «резкий протест жителей города» [19] и политиков, прежде всего, членов Монгольской народной и Монгольской народно-революционной партий [20], ставших в результате поражения на парламентских выборах 2012 г. оппозиционными Демократической партии. Несмотря на то, что во всех официальных документах площадь именуется по-новому, «в устах народа (она) остаётся площадью Сухэ-Батора» [19]. На наш взгляд, представляется сложным сиюминутная замена в сознании монголов одного топонима другим.

Как мы видим, начавшись в 1992 г. во Дворце Правительства с переименования государства, первый период «чингисханизации» завершился в 2013 г. переименованием площади и вышел за пределы столицы. 18 ноября 2013 г. стало известно о предстоящей смене названия центра Хэнтэйского аймака - города Ундурхан - на «Чингисхан» [21].

Стоило бы ожидать, что логическим завершением трансформирования социалистического наследия в столице должен стать демонтаж памятника Д.Сухэ-Батору. Но, несмотря на то, что такая мысль периодически высказывается в монгольских СМИ, по утверждению властей, «памятник... останется на прежнем месте» [19], как и сохраняющиеся до настоящего времени в центре Улан-Батора монументы Х.Чойбалсана и командира красных партизан П.Е.Щетинкина.

Но этого нельзя сказать о памятнике В.И.Ленину, демонтированному 14 октября 2012 г. На его место в начале ноября 2013 г. из центрального парка Улан-Батора был перенесен памятник одному из основоположников современной монгольской литературы - Д.Нацагдоржу. Известен еще

один яркий пример из этого ряда: снос в 1990 г. памятника И.В.Сталину и последовавшая «замена» его в 2005 г. памятником первому академику Монголии Б.Ринчену.

По нашему мнению, история Монголии на всех её этапах - это неразрывный и взаимосвязанный процесс. На советском и постсоветском пространствах известно множество примеров «борьбы с монументами», проводимой с целью конструирования новой идеологии. Полагаем, что многие советские и монгольские политики, общественные деятели и деятели культуры, внесшие вклад в развитие Монголии, равноценно заслуживают своих отдельных памятников. Здесь мы не касаемся неоднозначной личности И.В.Сталина. Но укажем, что одним из выдвинутых И.В.Сталиным на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. условий вступления СССР в войну против Японии было признание США и Великобританией независимости МНР. При этом данный вопрос в подписанном по итогам обсуждения Соглашении стоял на первом месте [22, с. 176].

Соседство на здании штаб-квартиры правящей Демократической партии Монголии мемориальных досок, информирующих о факте работы в этом доме Х.Чойбалсана в 1931-1934 гг. (социалистическое) и о переименовании проспекта имени Ленина в проспект имени Чингисхана (имперское), ярчайшим образом демонстрирует язык построения современной монгольской идентичности. Во всех этих случаях наблюдается преемственность между двумя мировоззренческими системами, выражающаяся в разметке пространства столицы монументами, смене топонимии и наслоем одной системы на другую, что одновременно является проявлением «чингисханизации» социалистического наследия.

ОБРАЗ ЧИНГИСХАНА НА САКРАЛЬНО- ПРОФАННОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Мифологизация исторического Чингисхана началась при его сыне и преемнике Угэдэе (1229-1241) и стала транслироваться через средневековые литератур-

* Сомон - район, входящий в аймак (прим. авт.).

ные памятники. Причем это явление имело две стороны. Первая - формирование собственно мифов, как, например, сведения монаха-францисканца Вильгельма де Рубрука о государственном культе золотой статуи Чингисхана [23, с. 216-231]. Вторая - создание «антимифов», к которым можно отнести историю воображаемых походов армии Чингисхана за пределы земного мира, включенную в донесения дипломатической миссии Иоанна де Плано Карпини ко двору великого хана Гуюка [24, с. 108-116]. В поздней монгольской письменной традиции и фольклоре также накоплено большое количество связанных с Чингисханом сюжетов [25].

По нашему представлению, Чингисхан как историческая личность, а также его фольклорно-мифологический образ, который сложился в народе, не имеют ничего общего с той интерпретацией хана, которую сегодня посредством государственной политики и СМИ внедряют в массовое сознание монгольские идеологи. Современные идентификационные практики правительства Монголии вписываются в иную «нетрадиционную» плоскость, но иногда пересекающую фольклорное представление о хане. Например, его изображение на тугрике - национальной валюте Монголии - всех номиналов является классической иллюстрацией сакрализации правителя прошлого. Но даже на купюрах личность социалистической эпохи вытеснена на окраину: мелкие купюры номиналом 10, 20, 50 и 100 тугриков отмечены изображением Д.Сухэ-Батора, на крупных - Чингисхан.

Одним из свидетельств нефольклорного, регламентируемого государством прочтения народного образа хана стало придание в 2012 г. дню рождения Чингисхана статуса государственного праздника, одновременно с которым появилось его второе название - «День национальной гордости монголов».

Переходящей датой праздника был назначен первый день зимы по лунному календарю. Чаще всего именно вопрос, связанный с отсутствием конкретной даты, выносится в качестве основного

аргумента критики легитимности придания такому событию статуса государственного праздника. Сама праздничная культура данного мероприятия не сложилась, в отличие от Дня провозглашения МНР (26 ноября), который был в том же году убран из списка государственных праздников. В этот день, как и во время других всенародных празднеств, таких, как Новый год по лунному календарю - «Цагаан сар» и «Наадам», многие монголы всех поколений надевают *дээл* - национальную одежду, подчеркивая таким способом важность события в жизни страны.

Примечательно, что придание государственного статуса дню рождения Чингисхана идет в разрез с запретом в буддийской культуре на празднование дня рождения умершего человека. Данный факт в очередной раз подчеркивает противоречивость и дихотомию образа хана в социокультурном пространстве, политической сфере и сознании граждан.

Стоит также более подробно остановиться на шаманистских и буддийских корнях почитания Чингисахана. Вспышка присущей среднеазиатской модели постсоциализма «банальной» [26, с. 147] религиозности связана с «демократизацией» всех сфер монгольского общества. В данном случае она характеризуется низким уровнем «религиозного образования как духовенства, так и мирян» [27, с. 70].

На этом фоне оформился государственный религиозный культ Чингисхана, который, по мнению буддистов, является перерождением Ваджрапани (бодхисатвы - защитника всех Будд), а с точки зрения шаманистов - покровителем всего монгольского народа. Мнения относительно конфессиональной принадлежности исторического Чингисхана у исследователей расходятся.

Очевидно, что вслед за этим и вырисовывается в общественном сознании буддийское и шаманистское прочтение образа.

Одни ставят вопрос о возможности принятия ханом при жизни буддизма [28], что связано с более поздней мифологизацией образа и презентацией хана как по-

кровителя «желтой веры» [25, с. 411-412].

Другие устраивают жертвоприношения духу хана, как прошедшее в 2004 г. в сомоне Биндэр Хэнтэйского аймака - в местности, где, предположительно, Тэмуджина избрали великим ханом [8, с. 115-116].

Третьи полагают, что верой Чингисхана был *тэнгризм* (*тенгрианство*) - культ Вечного Синего неба.

В такую сакральную систему не вписывается профанный образ Чингисхана как торгового бренда, однако современные монголы, обожествляющие его, одновременно используют данный образ как эмблему для алкогольных и других видов продовольственных товаров. Таким образом, хан оказывается на сакрально-профанном пограничье в религиозном сознании монголов.

Еще одним свидетельством профанации является появление первых карикатур на Чингисхана, что, в какой-то мере, является исключением, подтверждающим правило всеобщей «чингисханизации». Так, автор одной из карикатур в сатирическом ключе интерпретирует хана как культурного героя, связывая время появления взяточничества в Монголии с его деяниями, описанными в «Сокровенном сказании монголов» [29].

ЧИНГИСХАН В ДИСКУРСЕ НАЦИОНАЛИЗМА

Не секрет, что освободившееся после распада СССР место идеологического наставника Монголии заняли США и другие страны Запада. Во внешнеполитической области это вылилось в концепцию «третьего соседа», объединяющую совокупность государств Европы, Северной Америки, Южную Корею и Японию.

Неприкрытая вестернизация по американскому образцу преподносится как «целительная и долгожданная свобода» от «ужасов социалистического прошлого». Высказываниями политических лидеров США успешно подменяются цитаты классиков марксизма-ленинизма. Среди прочих укажем часто цитируемое определение Монголии как «бастииона демократии», данное

Дж.Бушем [30, с. 242]*. Проводится также активное внедрение западных ценностей и образа жизни в монгольское информационное пространство, насаждаются не только общегражданские ориентиры, но и религиозные: монгольско-американский телеканал *Eagle TV* с 1994 г. ведет ежедневную пропаганду американской протестантской церкви.

В повальной «чингисханизации» ярко обозначен «западный след». В этом ряду признание газетой *The Washington Post* (декабрь 1995 г.) и журналом *The Time* (2000 г.) Чингисхана «человеком тысячелетия» не только продемонстрировало схожие взгляды на историческую роль хана у западной общественности, но и в какой-то мере дало «зеленый свет» данному процессу. Любопытно, что исключительно положительная оценка хана распространилась в странах, не затронутых монгольской экспансией [31, с. 89-90].

Возвращение в общественный дискурс фигуры Чингисхана должно было «напомнить старшему брату** о временах татаро-монгольского ига и поставить вопрос о легитимности этого старшинства» [32, с. 138].

Подобная вестернизация не идет на пользу российско-монгольским отношениям, которые в последнее время достигли уровня стратегического партнерства [33], и формирует у молодого («потерянного»*** [34]) поколения отрицательный образ России и русских. Представляется, что пока в современной Монголии широко тиражируются сомнительные сочинения таких авторов, как Баабар (Б.Батбаяр), консультирующих руководство страны, интерпретация исторических событий еще долго будет далека от адекватной.

* Это высказывание американского президента о торжестве демократии в Монголии размещено на стенде в одной из экспозиций Национального музея в Улан-Баторе (прим. авт.).

** Под «старшим братом» подразумевается «советский народ», но иногда данное определение транслируется и на современных россиян (прим. авт.).

*** Подобная характеристика монголов 1990-х гг. рождения в связи с обсуждением их учебной успеваемости неоднократно встречалась нами во время бесед с преподавателями Монгольского национального университета (прим. авт.).

Здание штаб-квартиры Демократической партии Монголии (на фронте видны две мемориальные доски). Улан-Батор, 08.12.2013.

Кроме того, одной из важнейших категорий для понимания разворачивающихся в нынешней Монголии процессов является «ресурсный национализм», порожденный современным горнодобывающим бумом, который подпитывает этнонационалистические чувства.

Процесс «чингисханизации» - это не только реанимирование имперских образов, не всегда вписывающихся в современную реальность, но и буквальное олицетворение граждан Монголии с Чингисханом, что подтверждается фразой Ц.Элбэгдоржа в инаугурационной речи: «Сегодня на свет появился 2,9-миллионный гражданин Монголии. Два миллиона девятьсот тысяч Чингисов встретят рассвет завтрашнего дня» [17].

«ЧИНГИСХАНИЗАЦИЯ» КАК МЕХАНИЗМ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ МОНГОЛОВ

Феномен конструирования внеисторического образа хана, являющегося стержнем современных технологий выстраивания общегражданской монгольской идентичности и национальной консолидации монголов, характеризуется не только нерегламентированным внедрением его в социокультурное и этнополитическое пространство страны, но и задушевыванием в общественном сознании и политическом дискурсе иных традиционных для монголов идентификационных параметров: экофильность тради-

ционной культуры и полукочевое скотоводство.

Рассмотрев намеченные в начале статьи этнокультурную, политическую и националистическую сферы монгольского общества, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, «чингисханизация», как синтез неоимперской риторики и «ценностей» западной демократии, базируется на осколках социалистического мировоззрения в его материальных проявлениях (памятники деятелям эпохи социализма) и использует некоторые методы, присущие создателям коммунистической идеологии.

Во-вторых, противоречивый характер «чингисханизации», с точки зрения религиозно-культурных практик и одновременного присутствия образа хана в качестве бренда, перемещает его на сакрально-профанную периферию.

В-третьих, решением о переименовании центра Хэнтэйского аймака в честь Чингисхана рассматриваемый процесс государственной политики «чингисханизации» перешагнул границы Улан-Батора и вышел в пределы остальной части страны. Символично, что и здесь имперское вступило в «пограничный контакт» с социалистическим, в данном случае это город Чойбаласан

(центр аймака Дорнод) и Сухэ-Баторский аймак.

Автор выражает глубокую благодарность и признательность уважаемым рецензентам: М.И.Гольману, В.В.Грайворонско-

му и Р.Т.Сабирову за ценные замечания, первому зам. Главного редактора журнала «Азия и Африка сегодня» О.И.Тетерину за проведенную колоссальную редакторскую работу, а также монголоведу, специалисту в области между-

народных отношений А.С.Акуловой и монголоведу-этносоциологу Д.В.Ушакову, оказавшим неоценимую помощь и поддержку в процессе работы над данной статьей.

Фото автора

1. В новой Конституции нет пункта о руководящей роли правившей тогда Монгольской народно-революционной партии (МНРП). Другие партии получили возможность открыто участвовать в политической жизни страны. Среди них - Партия зеленых, Партия национального конгресса, Партия свободного труда, Монгольская национальная демократическая партия (МНДП), Монгольская социал-демократическая партия (МСДП). МНРП оставалась лидирующей партией до 1996 г., когда победу на парламентских выборах одержали консолидировавшиеся демократические силы. В 2000 г., в результате слияния МНДП и МСДП, возникла Демократическая партия. В 2010 г. МНРП переименована в Монгольскую народную партию, а отколовшаяся от этой партии фракция взяла старое название - МНРП.

2. Грайворонский В.В. Монголия: светлые перспективы динамичного развития - http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3009#top

3. Зимин О.И. Чингисхан как символ этнической идентификации Монголии в глобализирующемся мире // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2013, № 1, с. 60-65. (Zimin O.I. Chingiskhan kak simvol etnicheskoy identifikatsii Mongolii v globaliziruyushchemsya mire // Vestnik MG oblastnogo universiteta. Seriya «Filosofskie nauki». 2013, № 1) (in Russian)

4. Михалев А.В. Этнополитическая ситуация в постсоциалистической Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер. «История и Политология». 2010, № 4/2. (Mikhalev A.V. Etnopoliticheskaya situatsiya v postsocialisticheskoy Mongolii // Izvestiya Altayskogo gosuniversiteta. Ser. Istoriya i Politologiya, 2010, № 4/2) (in Russian)

5. Kradin N., Skrynnikova T. Why do we call Chinggis khan's polity «an empire»? // Ab imperio, Kazan. 2006, № 1.

6. Цит. по: Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань, Татар. кн. изд-во, 2010.

7. По представлениям монголов, «жизненная сила» правителя воплощается в знамени и является духом-хранителем народа. Жертвоприношения белым знаменам в специально сооруженных для них святилищах осуществлялись в мирное время. Помимо прочего, белый цвет - это символ государства и власти, в отличие от черного, ассоциируемого с войной. Число 9 в монгольской традиционной культуре понимается как наивысший предел, абсолют.

8. Цит. по: Шмыт З. Нация и этничность в Монголии // Этнографическое обозрение. 2011, № 6, с. 109-121.

9. Цит. по: Монголия пытается исправить имидж Чингисхана - <http://www.mardongblog.ru/2010/03/blog-post.html>

10. Правительство Монголии выпустило бонд «Чингис» - <http://ru.vom.mn/i/1254>

11. В Монголии выпустили золотого «Чингисхана» - <http://asiarussia.ru/news/economy-877/>

12. Всенародный праздник «Наадам» // Новости Монголии. 19.07.2013.

13. Бадамхатан С. Хотон // Монгол улсын угсаатны зүй. III боть (Этнография Монголии. III том). Улан-Батор, 2012, с. 260.

14. Уланов М.С. Буддийский фактор в истории ойрат-монгольских и калмыцко-монгольских отношений // Studia culturae, Санкт-Петербург. 2013, Вып. 18, с. 137-146.

15. Энхтувшин Б. Глобализация: Монголия и монголы // Власть. 2010, № 9, с. 11-15.

16. Мальцев Д.А. От «правого государства» Чингисхана до «медных труб» СССР // Проблемы национальной страте-

гии. 2012, № 5 (14), с. 215-220. (Maltsev D.A. Ot «pravogo gosudarstva» Chingiskhana do «mednykh trub» SSSR // Problemy natsionalnoy strategii. 2012, № 5 (14) (in Russian)

17. Обращение вновь избранного Президента Монголии Ц.Элбэгдоржа к народу // Монголия сегодня. 15.07.2013.

18. Центральная площадь будет называться в честь Чингис хана // Новости Монголии. 19.07.2013.

19. Наранбаатар Б. Площадь Сухэ-Батора или Чингисхана? - <http://asiarussia.ru/photo-632>

20. Сонин Б. Решение об изменении названия нарушает закон // Монголия сегодня. 20.07.2013.

21. Байгалмаа И. Хэнтий аймгийн товийг Чингис хот гэж нэрлэхээр боллоо (Центр аймака Хэнтий будет переименован в честь Чингиса) // МОНЦАМЭ, 18.11.2013.

22. История Монголии. XX век. М., Институт востоковедения РАН, 2007. (Istoriya Mongolii. XX vek. M., 2007) (in Russian)

23. Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII-XV вв. СПб, Евразия, 2006. (Jurchenko A.G. Istoricheskaya geografiya politicheskogo mifa. Obraz Chingiskhana v mirovoy literature XIII-XV vv. SPb, 2006) (in Russian)

24. Юрченко А.Г. Империя и космос: Реальная и фантастическая история походов Чингисхана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб, Евразия, 2002. (Jurchenko A.G. Imperiya i kosmos: Realnaya i fantasticheskaya istoriya pokhodov Chingiskhana po materialam frantsiskanskoy missii 1245 goda. SPb, 2002) (in Russian)

25. Цэндина А.Д. Чингисхан в устном и письменном наследии монголов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН. 2004, с. 406-424. (Tsendina A.D. Chingis-han v ustnom i pismennom nasledii mongolov // Mongolskaya imperiya i kochevoy mir. Ulan-Ude, 2004) (in Russian)

26. Цит. по: Амоглонова Д.Д. Банальная религиозность и религиозная вера в этнонациональной идентичности современных бурят // Studia culturae, СПб, 2013. Вып. 18, с. 147-160.

27. Цит. по: Сабиров Р.Т. Возрождение буддизма в Монголии // Азия и Африка сегодня. 2002, № 8. (Sabirov R.T. Vozrozhdenie buddizma v Mongolii // Aziya i Afrika segodnya. 2002, № 8) (in Russian)

28. Чонгонов А. Чингисхан был буддистом? - http://save-tibet.ru/2011/01/20/was_chinggis_khan_buddhist.html

29. Цогтбаяр С. Взятка в начале XIII века - <http://oros-oros.blogspot.com/2011/04/xiii.html>

30. Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира. М., Институт социологии РАН, 2009. (Zheleznyakov A.S. Mongolskiy polyus politicheskogo ustroystva mira. M., 2009) (in Russian)

31. Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М., ИВ РАН, 2009. (Golman M.I. Sovremennaya Mongoliya v otsenkakh zapadnykh avtorov. M., 2009) (in Russian)

32. Цит. по: Михалев А.В. Деконструкция «старшего брата»: опыт постсоветской трансформации в монгольском национализме // Палиточная сфера, Минск. 2010, № 14, с. 138.

33. Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 25.08.2009) - http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html

34. Асламова Д. Почему русские в Монголии превратились в «проклятых оккупантов» - <http://www.kp.ru/daily/26119/3012835>